

Алла КАЗАКОВА и Ольга БАЛАНДИНА:

«У нас нет культа»

Наша встреча с актрисами “Школы драматического искусства” состоялась летом, на следующий день после прогона “Илиады”, который Анатолий Васильев показал специально для “пишущего цеха”. Мощные, атлетически сложенные (если так можно сказать о представительницах прекрасного пола) персонажи “Илиады”, одетые в кимоно, лихо управлялись с мечами и пиками и демонстрировали чудеса в области восточных единоборств. Но, оказавшись на зрительских местах потрясающе красивого, полупрозрачного Тау-зала в огромном помещении “Школы” на Сretenке, эти античные героини превратились в очаровательных, хрупких и скромных девушек, немного смущавшихся такого не совсем привычного для них занятия, как интервью.

— Ваш Мастер не склонен называть то зрелище, которое происходило в вашем “Тау-зале”, спектаклем. Может быть, ваша “Школа” — это тоже не совсем театр?

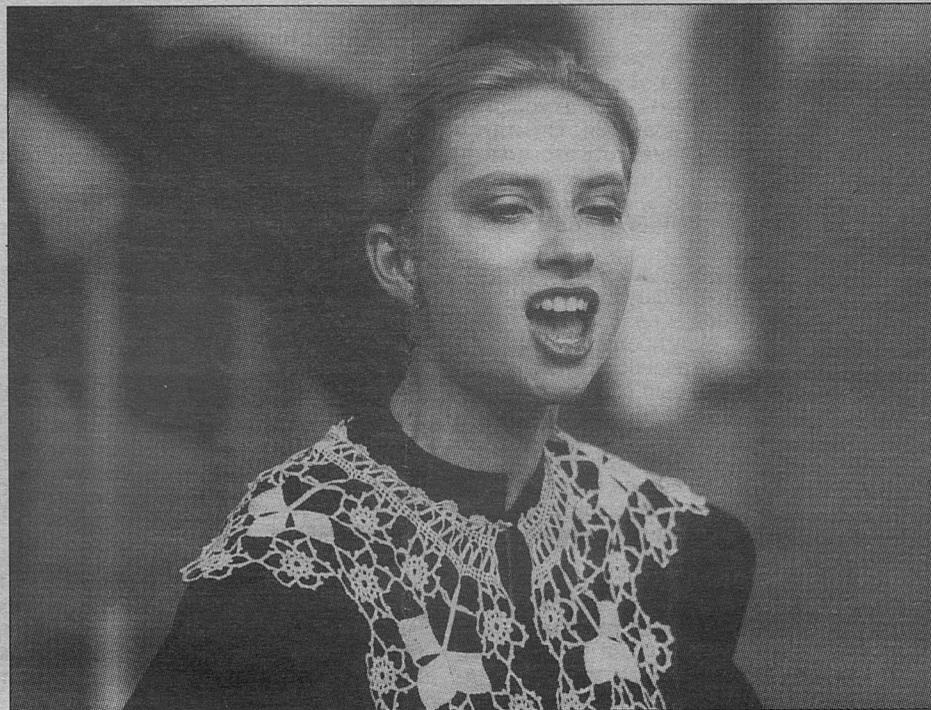
— Алла Казакова: Нет, это, безусловно, театр, но очень своеобразный.

— А в чем его своеобразие, отличие от других?

— А.К.: Думаю, что главное отличие в том, что наш режиссер определяет не просто стиль, свое особое видение и направление, но и метод, правила, в соответствии с которыми рождается действие. Ведь театр строится не только на интуиции, он имеет свою систему и законы, как музыка или живопись. А “Школой” наш театр называется потому, что Анатолий Васильев не только режиссер, но и педагог.

— Обычно в таких закрытых системах, каковым является ваш театр, имеет место культ Мастера или даже “гуру”. Можете ли вы сказать то же о своей компании?

— Ольга Балавдина: Я не знаю ничего насчет культа. Я просто знаю, что есть человек, владеющий знанием, инструментом, с помощью которого может родиться произведение. Он является главной “движущей силой” нашего театра. Мы актеры — его ученики, коллеги, соратники. Васильев прошел большой путь в искусстве, и мы за пять лет жизни в этом театре прошли вместе с ним с в о й путь, свои стадии развития. Я доверяю Васильеву как профессионалу, как режиссеру и педагогу. Но здесь нет культа. Это плохое слово.

— Значит, в творческих взаимоотношениях с Мастером у вас полная гармония и вы никогда не унываете?

— А.К.: Моя работа в театре началась с освоения предложенных Васильевым диалогов Платона. У меня сначала ничего не получалось. Я пережила большой кризис, пришлось начать все заново, переоценить весь свой (хоть и небольшой) театральный опыт. Ведь Платон предполагает совершенно иное присутствие на сцене, иное сознание и видение действия. Здесь действие высекается из другого источника, чем в психологическом театре. Все мое существо сопротивлялось. Но не Васильеву, а тому, что я сама не могла понять что-то главное. Вот в такие минуты бывали периоды уныния. Но, как сказал Сократ: “Все прекрасное — трудно!” И эти периоды преодолевались, сменялись радостными переживаниями. Для меня это было хорошее испытание. Впоследствии Платон у меня стал получаться и сейчас мне стало легче жить в театре. Наши “старшие товарищи” (так мы шутя называем актеров-старожилов театра) говорят, что это

хорошо, когда не получается. Значит, жди скачка вверх, какого-то открытия, и сам удивишься, как ловко у тебя все получается. И наоборот, если получается, жди спада. Это проверено опытом.

— Что представляет собой актер “Школы драматического искусства”, какими особыми качествами он должен обладать?

— О.Б.: От Васильева мы часто слышали такую фразу: “Театр делают люди”. Именно люди, а не просто актеры. На сцене важно, к т о играет. Васильев старается создать не актера, а человека, способного на творческий акт. В нашем театре, например, стыдно, если актер или актриса мало читает. Мы должны много знать. Занимаясь, например, Платоном, мы должны были изучить всю мифологию. И так с каждым автором. Когда мы репетировали “Три сестры” Чехова, то порой произносили текст “своими словами”, которые были “параллельны” авторскому. Это называлось этюдами. Но от нас требовалось, чтобы наш язык не был бытовым, грубым. Мы искали свои образы во всех произведениях Чехова, читали

даже заметки и письма. Васильев учил нас изобретать образы, мы были сочинителями, соавторами. Это дало нам возможность расширить воображение, почувствовать красоту слога, импровизировать.

Актер нашего театра должен в совершенстве владеть собственным голосом. Васильев требует от нас ясного и твердого произнесения текста, а не “кукареканья”, по его же выражению. Актер должен уметь двигаться, владеть энергетикой на протяжении всего спектакля. У нас, например, ни в коем случае нельзя сидеть или стоять на сцене с согнутой “кривой” спиной. И это еще не все требования.

— А ваше потрясающее владение ушу — это тоже “обязательная программа”? Кстати, это настоящее единоборство или все же немножко играете, имитируете?

— А.К.: Конечно, занимаясь ушу в театре в течение всего пяти лет, мы не можем им владеть в совершенстве. Для этого нужна, наверное, вся жизнь. Но у нас был очень хороший, высококлассный педагог-мастер Илья Пономарев, который трагически погиб в прошлом году. Он был настоящий профессионал и очень многое передал нам. Мы изучали не только внешнюю форму движения, но и его применение, его сущность что ли. Конечно, — это удивительно интересная форма и, на мой взгляд, наиболее красивый вид восточных единоборств. А вот есть ли в этом доля имитации, об этом я не думаю. У меня другие цели. Я свое тело очень долго тренировала для того, чтобы оно стало способным так передвигаться в пространстве.

— После вчерашнего спектакля я услышал такие слова о вас и ваших коллегах: “Какие замечательные актеры, им бы “нормальную” драматургию играть”. А ведь действительно, неужели у вас нет актерской ностальгии по Чехову, Островскому etc?

— А.К.: Ольга уже говорила о том, как мы занимались Чеховым. Это был очень хороший опыт. “Трех сестер” мы показывали в Греции, в Дельфах на театральном фестивале. Еще раньше мы играли “Чайку” и тоже делали этюды. Но той ностальгии, о которой вы спросили, нет. Ведь ритуальный театр стоит выше психологического реализма.

— О.Б.: То, чем сейчас занимается Васильев и мы вместе с ним, это все равно школа, основанная на психологическом театре. Это — как в изобразительном искусстве: в основе лежит рисунок, без него невозможно дальнейшее развитие. Любый художник, овладевший основами, может идти дальше, туда, где ему будет

Здрав и сцена —

интересно. Сейчас Анатолий Александрович предлагает форму мистерии. Это выше человеческих чувств, человеческих переживаний. Это то, что находится вне человека.

– Анатолия Александровича часто называют “медитативным” режиссером. Во всяком случае, я знаю о впечатлениях зрителей, после спектаклей испытывавших именно такое состояние души и тела. Да и сам к нему не раз приближался. Не ставится ли подобная задача актерам?

– А.К.: Вокруг нашего театра люди создали тайну, миф, пытаюсь понять, что мы здесь делаем. Мы не занимаемся медитацией в том виде, что практикуется на Востоке. Мы ведь люди православные. А что касается такого спектакля, как “Илиада”, то это действие исключает или, во всяком случае, не учитывает зрителя. Зритель здесь – свидетель, созерцатель. Он погружается в происходящее, но оно не направлено лично на него. Все происходит и без него. Наверное, поэтому многие называют такой процесс “медитативным”.

– Стало быть, ваше ритуальное действие не учитывает зрителя. Но неужели вашей актерской душе не важно понимание зрителем того, что вы делаете, его реакция на это?

– О.Б.: Конечно, мы люди простые и ничто человеческое нам не чуждо. И для меня как представителя рода людей, называющих себя актерами, существует понятие зрителя. Но специфика нашего театра такова, что мы много занимаемся внутренней лабораторной работой. Большую часть времени мы существуем без зрителя. Но я вовсе не чувствую себя обделенной. У меня нет такой потребности или амбиций, чтобы меня все увидели. У меня совершенно другие задачи. Мне интересно заниматься лабораторией. Но хорошо, что мы иногда приоткрываем эту лабораторию, и она как-то воздействует на зрителя и приносит ему радость. Если зритель становится соучастником этого действия, то можно сказать, что наша встреча состоялась.

– И все-таки, зная актерскую душу, которая требует переживаний вместе с персонажем, бурных страстей и так далее, не могу не спросить: удовлетворена ли по-настоящему ваша актерская сущность тем, что вы делаете? Не хотелось бы сыграть в другом театре, ну, например, в “Мастерской П. Фоменко”?

– О.Б.: К театру Петра Фоменко я отношусь очень хорошо, тем более, что там работает мой муж. Но я знаю, что человек никогда не бывает удовлетворен полностью. Такова уж наша природа, этим, наверное, она в чем-то пагубна. Но пойти в другой театр и что-то там сыграть я не хочу. То, что мы делаем здесь (если это получается), гораздо выше, чем человеческие страсти. То, что проходит иногда через актера, не принадлежит человеку. И это гораздо выше, чем “рвать в клочья страсти”. Кроме того, так ведь можно быстро износиться. Человек ведь слаб.

– Не оставлю без внимания слово “износиться”. Ведь ваши спектакли тоже требуют колоссальных энергетических и эмоциональных затрат. Не обделяете ли вы себя чем-то в повседневной жизни, посвящая все свое время работе?

– А.К.: Конечно, для обычной жизни остается мало времени. Но ведь все свое время в театре я трачу на себя, уделяю время своей душе. А для души ничего не жалко.

– Со стороны кажется, что и техника, и духовная основа этого спектакля почти совершенны. Есть ли “резервы роста”?

– О.Б.: Конечно, это не предел. Более того, это только начало. Здесь предстоит еще многое сделать. Это касается и движения. И техники, слова, и концептуального плана спектакля. А то, что вы видели, пока нельзя назвать спектаклем. Это (опять же) лабораторная ра-

бота, первые шаги. Мы восстановили ее после первых показов в 2001 году, собрали заново, к сожалению, без Мастера – Ильи Пономарева. Эта работа имеет большую перспективу, но какой она будет в будущем, мы не знаем. И никто этого не знает. Может быть, только Анатолий Александрович.

– Мне кажется, что такая работа предполагает наличие полного взаимопонимания внутри команды. Есть ли оно у вас?

– А.К.: Да, да, вы правы. Эта работа сложна тем, что она коллективная, и на каждом из нас – почти одинаковая нагрузка. Здесь каждый

19
отвечает и за себя, и за другого. Каждый чувствует ответственность перед группой, перед работой. Тут ведь как: один не пришел – все валится! Поэтому мы стараемся подавлять в себе раздражение, гнев, тщеславие, эгоизм, зная, что это вредит душевному здоровью и работе. Такая работа многому учит.

– О.Б.: Я думаю, для такой работы и вообще для работы в театре необходим некий договор или даже этический закон, которого должен придерживаться каждый. Должно быть понимание, прощение друг другу недостатков, каких-то жестких проявлений по отношению к товарищам. Срыв может быть у каждого, поэтому надо терпеть. Мы друг на друга не обижаемся, живем довольно дружно.

– Меня поразил ваш хор и в “Моцарте и Сальери”, и в “Илиаде”. Это тоже ваш коллектив?

– О.Б.: Да, конечно! Наш хор просто замечательный! Ну, посмотрите на девчонок, какие они чудные! Они ведь “фольклорницы”, а это – особенный народ.

– А.К.: Если бы вы имели возможность побывать у нас на так называемом “банкете” по поводу закрытия сезона, вы бы увидели, как мы веселимся, поем частушки вместе с хором! И чуть-чуть выпиваем! (Смех). Так что наши взаимоотношения – самые теплые и добрые.

– Не обойтись без традиционного журналистского вопроса. Как говорится, Мастер Мастером, но ведь, наверное, у каждой из вас есть свои профессиональные и человеческие мечты?

– А.К.: “Человеческие”, конечно, есть. Но не мечты, а цель! Она, наверное, есть у каждого человека. Но все мы на этой Земле странники, все ходим под Богом. А все остальное – это то, с помощью чего мы идем и служим.

– О.Б.: Добавить мне нечего. Что касается актерских надежд, то, если мне будет что-то дано, хорошо! Если нет, ну что ж. Это зависит не от меня. А что касается личного, то это очень сокровенное.

– Хотели бы вы связать всю свою жизнь с этим театром – “Школой драматического искусства”?

– О.Б.: Я бы хотела. Но не знаю, что меня ждет завтра. На данном этапе жизни у меня не возникает никаких помыслов уйти, работать где-то еще. Но никто не знает, что его ждет в следующую минуту. Лучше не зарекаться.

– А.К.: Не знаю. Говорю так не потому, что хочу что-то увидеть за пределами нашего театра. Вопрос в том, хотела бы я продолжить весь свой жизненный путь в театре вообще.

И если я по-прежнему буду испытывать потребность в театре, то буду работать только здесь.

● Ольга Баландина
● Алла Казакова

Вопросы Мастеру и его ученицам
задал Павел ПОДКЛАДОВ